

ВИКТОР СТРАЖЕВ.

ГОРСТЬ

СУХУМ,
ТИП. В. С. Н. Х. АБХАЗИИ ИМ. ЛЕНИНА
1923.

ВИКТОР СТРАЖЕВ.

ГОРСТЬ

№

Абонибиотека

СУХУМ. 1923 г.

Димитрию Чолиеву
Гулид
с душевным приветом
Вик. Сирас

Издание Наркомпроса С. С. Р. Абхазии

АБХАЗИИ.

В душе—безгрёзно, безнапевно.
Горят вечерние огни.
Остыли северные дни
За гребнем лет, восставших тневно.

Давно я сам себе далек,
И стала сказкой жизнь былая.
Страна жемчужно-голубая!
Волной прибило мой челнок

На кружевное побережье,
Под сень твоих зубчатых гор,
Где на сверкающий простор
Вскрылило гордо белоснежье.

Тебе, крылящей в высь Земле,
Несу мой пев—благодаренье
За море, солнце и цветенье
Фиалок синих в феврале.

Здесь—лепестки от розы снежной.
Прими их ласковой рукой.
Они еще влажны тоской—
Моей, загорной, зарубежной.

МОХАДЖИР.

Завесил вечер синими чадрами
Родные берега,
Но все горят—горят прощальными кострами
Высокие снега.

Певуча снасть турецкой бригантины,
Но в сердце громче стон,
Под пеплом розовым далекие вершины—
До гроба сладкий сон,

Свежеет ветр. И плакать перестали—
Слезами что вернуть?
Аллах! Аллах! Мой путь—в неведомые дали.
Благослови мой путь!

Земли моей я взял и на чужбину
Священных семь горстей.
„Вот все, что я сберег”—скажу угрюмо сыну—
„От родины твоей”.

АСЛАН-БЕЙ.

Подъехал он — и сердце перестало биться.
Взглянуть ему в глаза? Сказать привет? Нет сил.
Он молвил тихо: „Дай, красавица, напиться“.
Ах, почему он жизнь мою не попросил!

Ему воды я принесла и расплескала...
Он выпил жадно. Стремя подтянул.
„Храни Аллах! Из всех аулов Дала
„Завидней всех счастливый твой аул“.

Взмахнул рукой. Умчался легкой птицей.
И снова сном моим лучистым стал.
Мой свет! Аслан! Я верю небылице:
Отцовской кровью плачет твой кинжал!

Ах, о тебе, орле, поверю всякой сказке!
Не ты-ль проехал здесь — и солнце подарил?—
Завидуйте же все — мне, девушке-абхазке:
Сейчас из моего ковша он воду пил.

EX ORIENTE MORS.

Cales venenis... Colchicis
Horatius.

В Колхиде стояли
римские гарнизоны.

Откуда-то.

— Ты желт и сух, как лист осенний.
Ты слаб! Ты весь горишь в огне!
„Не надо. Не помогут пени.
Ничто уж не поможет мне.

Отравлен я колхидским ядом.
Затихнет скоро жизни гул“.
И в даль ушел он долгим взглядом
И в думной глуби потонул.

День догорал в костре заката.
Ночь налетала из за гор,
Широковейно и крылато.
И вдруг зажегся мутный взор.

„Гляди—серебряные птицы!..
Гляди—орлы... орлы летят!..
И Цезарь мой на колеснице!
И Рим!.. О, нет!.. Колхидский яд!

Не шум на форуме... Другое!—
Шумит понтийская волна"...
И снова смолк. И звездным роем
Над ним клонилась тишина.

В последний раз вернулись силы...
Но чуть был слышен шелест слов.
„Не надо слез, товарищ милый!
Давно я встретить смерть готов.

Глядел ей в очи, не робея,
И там, где жжет ливийский зной,
И там, в далекой Иудее...
И вот она—передо мной!..

Н оесли... если бы сказала:
„Взгляни... на Рим... в последний раз"...
Ах, Авентинский холмик малый
Я не отдам за весь Кавказ!

Мой Цезарь! Стой неколебимо!
Ты слышишь, дивный властелин?
Держу твой меч на страже Рима
У Прометеевых вершин!"

И смерть в уста поцеловала.
Склонилась ниже тишина.
Заплакал дальний вой шакала,
И пенно вскинулась волна.

ДИОСКУРИЯ.

Великоблеск ее потух.
Волна веков следы размыла.
На дне морском—ее могила.
И только имя сътит слух.

Кочует, зыблясь, по ночам
На лунном море рой видений;
Трирем скитальческие, тени
Плынут к колхидским берегам.

И слышен долгий-долгий зов
Гостей далекого Милета.
Но берег нем—и нет ответа
На зов от праха земляков.

Так излучилась без следа
Звезда понтийская Колхиды.
Но в небе светят Тиндариды—
Их двоеокая звезда!

Тысячелетнее солнце очи твои ожигало.
Тысячелетнее море думы баюкало, пенясь.
Тысячелетнее сердце душу твою пепелило.

Вот почему твои очи стали теперь угольками.
Вот почему твои думы спят, как могилы прибрежья.
Вот почему ты бездушна—пепел душой не зовется.

РА.

Солнечный! Ра сожигающий!
Томная думная лень!
Прянью земли охмеляющий,
Влажно изнеженный день!

Стрекот цикад усыпляющий!
Сонные плески волны!
Парус далекий и тающий!
Горы — остывшие сны!

Ах, эта глубь чернолунная
Пары летучих очей!
Прядка волос легкорунная!
Струйка певучих речей!

Бронзовых ножек бездумная
С гравием жарким игра!
О, эта кипь огнешумная
Солнечной радости Ра!

От зноя млечны небеса,
И солнце льет сухие слезы.
На синем море паруса—
Как лепестки от белой розы.

Кипит у отмели волна.
Волна во мне! И все напевней
На сердце, медленно, со дна
Встает восторг, как море древний.

И крылья ширятся, растут.
Орлиный клёкот грудь мне душит.
И злую тягу бренных пут
Во мне дыханье моря рушит.

КАМЕЛИИ.

День, умирающий за морем, жаля.
Змеи ночные ползли из ущелий.
Сам я нарвал тебе снежных камелий,
Всю я осыпал цветами разлуки.
Ты протянула мне робкие руки,
Лаской молящею глаз твоих жаля.

Тени густели, вечерние тени...
Тени вечерние свили нам кокон.
Свет угасавший зареющих окон
Стыл, умирая на снеге камелий.
Змеи ночные сползли из ущелий.
День бездыханный завесили тени.

Глоухо вздыхало у берега море—
На сердце падали темные вздохи.
Счастья пугливого жалкие крохи
Теплила память... Усталые руки
Ты забавляла цветами разлуки,
Слушая в сердце скорбящее море!

В саду черешневом, за изгородью старой;
Давно, в те дни, когда меня стихийной чарой
 Впервые охмелил Кавказ,
Гортанный голос твой, тоскующий и томный,
 И пел, и плакал. И не раз,
Шаги замедливши, забыв свой путь никчемный,
 Я жадно слушал. Жгла тоска
Напева горного полуденной певицы.
И в сердце плыли, плыли думы-вереницы,
 Томлений вешних облака.

В саду черешневом о жизни безнадежной
Давно давно, в те дни, когда чадрою снежной
 Весна белела, пела ты.
И навсегда унес я голос твой печальный
 И вплел в унылые мечты.
Идут мои года. Судьбы моей опальной
 Крадется час вечеровой.
И вот опять, опять, в далеком. с прежней чарой
В саду черешневом, за изгородью старой,
 Поет и плачет голос твой.

В УЩЕЛЬИ.

Страница вещая земной забытой были,
Живой земли живые письмена—
Вот эта голая отвесная стена,
Вот эти корчи праха, что вокруг остыли.

Как внятен здесь, в дремотной мгле ущелья,
Гремящий хаос первозданных дней
И блеск сверкающий земного новоселья,
Когда был мир моложе и хмельней!

В ГОРАХ.

Метнулся коршун надо мной,
Прорезал воздух легким шумом..
И буки в ропоте угрюмом
Пошли зеленою волной.

Затмился неба синий взор.
Нависла туча, стужей вея.
И отгул стона Промётея
Вдруг прогремел в ущельях гор.

Зевес великий! прав! твой гнев.
Небесный дар людской гордыне
Дал пламя горнее, доныне
Людского сердца не согрев

УТЕШИТЕЛЬ.

— Почему, дорогой, скучный такой,
Не пьёшь вина?
Ты зачем не слыхал, как у Нико
Поет зурна?

Эй, зовите Нико, кто-нибудь там,
Сюда в духан!
Не поможет Нико? Глупый ты сам!
Совсем баран.

Денег нет? — не скучай: дам я взаймы.
Э! хмуришь бровь?
Посмотри мне в глаза. Поняли мы:
В груди любовь.

А спасенье одно — станет легко:
Налей вина
И послушай скорей, как у Нико
Поет зурна.

ТОЛУМБАШУ.

Готов я небо, землю, море
Волшбой в свидетели призвать,
Готов я клятву дать в Илори,
Готов и в кузне клятву дать—

„Закон стола“ хранил я строго
И не считал заздравных чах,
И за Апсны я пил из рога...
Но пощади же, тслумбаш!

Гляди: вокруг— как поле боя.
А бой был долог и жесток!
И в окнах—утро голубое,
И весь исстрелян потолок.

Ряды пирующих, редея,
Изнемогли уже давно...
Нет! Лей мне лучше яд Медеи,
Чем гудаутское вино!

ГОРЕ.

Глаза чернее ночи стали.
„Абыста” он не хочет есть.
Душе какие снятся дали?
Врагу за кровь, задумал месть?

Мрачит ли призрак русской силы,
Орла когтистого налет,
И новый плен отчизны милой,
Над вольной волей новый гнет?

Иль из далекого аула,
Доносит ветер зеонкий смех?..
Тоска любви на грудь прильнула—
И в жизни больше нет утех?

Он сдвинул брови. Блеском стали
В глазах метнулся злой огонь.
Он опоздал!—уже украли...
А был венец его печали—
Соседа кабардинский конь.

В МОРЕ.

Было это ночью. Было это в море.
Плыл лениво парусник, далеко, на юг.
Груз был тяжкий в трюме—вековое горе.
Плыл, качаясь, парусник, далеко на юг.

Девушек-черкешенок, смуглого-чернооких,
Закупив в Анапе, вез торговец-грек.
Им цена не малая в городах далеких!
Девушек-невольниц вез в гаремы грек.

Дыбя, пеня волны силой темнокрылой,
Высоко над мачтою ветер, плача, пел.
Выслезилось горе—в трюме тихо было.
Над скрипучей мачтою темный ветер пел.

Сном слепым окутало—черною фатою—
Девушек усталых. Не спала одна...
Тайно сердце плавилось огневой мечтою.
В душной теми трюма не спала одна...

Маревом лучилась родина долина,
Снег садов черешневых, снег далеких гор,
И над старой саклей дикая стремнина,
И ручей в расщелине, дар родимых гор.

И глаза горячие, те, что лишь однажды
Пристально, украдкой, жгли ее глаза,
Те, что в кровь ей кинули пламя алой жажды,
Ей во тьме лучились—те любовь-глаза.

Высоко над мачтой кинул ветер стоном—
В трюме отклик всплакался, словно стон души,
И звезда скатилась черным небосклоном
В море пенно-бурное, словно свет души.

Тайным зовом гибели сердце охмелело!
И в крови кипучей ялок стала месть!
Билось дрожью пламенной, холода, тело...
В гибели—спасенье! И отплата—месть!

В платье был зашит он, на груди, укрыто,
Старый и зазубренный дедовский кинжал.
Много светлой сталью было крови пито!
Вспыхнул блеском радости дедовский кинжал.

Жадно грыз он дерево, днище пробивая.
В душной теми трюма та, что не спала,
Затаив дыхание, смерти обрекая,
Смерти обрекалась та, что не спала.

Пил вино из фляги, лакомясь лукумом,
У кормы на палубе в полудреме грек.
И мечтал лениво, и своим же думам,
Щуря глазки сонные, улыбался грек.

Ночь ползла, тяжелая... Вдруг глухие крики.
В трюме вдруг смятенье, плеск воды и—вопль.
Грек, зверея, кинулся... Словно кто безликий
В сердце ткнул кинжалом. Оборвался вопль.

Парусник качался, в волны погружаясь,
И на нем, на гибнущем, кто-то кликал жизнь.
Кто-то, безответно, долго, надрываясь,
В море, в ночь ту давнюю, звал, в безумье, жизнь

Небо безначальное, звездное, светило—
Лился свет далекий на морскую зыбь.
Вскрикнув, птица белая над волной-могилой
Поднялась и снова пала где-то в зыбь.

ПЕСНЬ О ГОЛУБОГЛАЗОМ.

Позабывши сам — откуда,
Он прибрел тропинкой горной,
Древних рас живой эсколок.
Море синее шумело
У подножья гор зеленых.
И приморье полюбилось.
И нагорье приютило.
В заповедной чаще леса
Взял он дремный шопот листвьев,
У змеи он взял шипенье,
Взял у птицы сладкий щебет,
У цикады стрекотанье,
У ручья певучий лепет—
Ими речь свою украсил
И в гортанный вил их говор,
Тот, что вынес издалека.
Он у горного потока
Научился злой отваге.
Подглядел у легкой серны
Тайну легкого копыта.

Слушал ветер он унылый,
Тот, что плачет по ущельям,—
Стал, как ветер, плакать песни.
И глядел он долго долго
Прямо в небо голубое—
И глаза заголубели
И остались голубыми,
Оттого, что долго долго
Он глядел упорно в небо.
Раз, от солнца охмелевши,
Он скитался по нагорью.
Он охотился за серной,
Тонконогой недогонкой.
Лился пот с него ручьями.
Сел, усталый, он на камень.
Вдруг услышал—где то близко
Серебристый смех раздался.
Вдруг увидел: под сосною
Перед ним царица леса.
И дыханье затаил он,
Оторвать он глаз не может.

Ах! красавицы такой сн
Никогда еще не видел!
Протянула обе ручки,
Десять пальчиков загнула—
Десять лет женой быть хочет.
Покачал он головою,
Ей ответил он отказом.
Снова ручки протянула,
Девять пальчиков загнула—
Девять лет женой быть хочет.
Снова был отказ ответом.
Убавляла год за годом,
Грустью лицико покрылось,
Златокудрая головка
Перестала улыбаться.
Лишь мизинчик показала,
Но и тут отказ ответом...
Засмеялась гневным смехом.
Глазки вспыхнули, как угли.
Показала полмизинца—
Лишь полгода быть женою!
Лишь полгода сроку просит!

Быстро с камня он поднялся,
К ней он кинулся навстречу,
К ней он бросился в обятья.
И в дремучей чаще леса
Смех веселый и счастливый
Раздавался долго-долго.
Через полгода он вышел,
Через полгода спустился
Из лесов на берег речки.
Был он тот же—и не тот же.
Был он прежний—и не прежний.
Поприбавилось немного:
Залегла на лбу морщинка.
Все, чему жена-ведунья
Научила за полгода,
Все, о чем меж поцелуев
Передать она успела:
Заклинанья-заговоры
От змеиного укуса,
От ожога, от пореза,
От трясучей лихорадки,
И от бешеной собаки,
И от ястреба-воришки,
Что крадет цыпляток малых,—

Все легло на лбу морщинкой,
Тайной думою на сердце.
Шли года его у моря.
Шли века его у моря.
С кем-то жизнь его сълеталась,
С кем-то был врагом он смелым,
С кем то был он другом верным,
У кого-то что-то отнял
И кому-то что-то отдал,
Что-то он берег ревниво,
Что-то тратил своенравно,
Что-то строил, что-то рушил...
Но о том волну спросите,
Ту, что отмели целует
В час полуденного зноя.
Или лучше—разузнайте
У скалы у молчаливой,
Той, что сумрачно нависла
Над извилистой тропою.
Но о том же порасскажут
И дубы по горным склонам,
Вековые великаны
В заповедных древних рощах.

Да и каменные груды
Старых башен, стен и храмов,
Те, что время раскидало
Там и тут по побережью,
Крепко помнят быль седую.
Гости хищные Сидона,
Грек с Арго и воин Рима.
Дикий скиф и перс-воитель,
И ромей, политик зоркий,
И лукавый генуэзец—
Много-много приходило,
Уходило, будто волны...
Будто волны, что на берег
Набегают с пенной гривой.
А глаза над морем те же,
Голубые, голубели.
И все те же песни пел он,
Что певал далекий предок.
И глядел голубоглазый,
В даль немую молчаливо
И чему-то улыбался
Тихо-тихо, будто тайну
Разгадал и будто понял,
Для чего живет на свете:

Примечания.

МОХАДЖИРЫ— „беженцы“, переселенцы в Турцию, черкесы и абхазы, вынужденные покинуть родину в эпоху покорения Западного Кавказа силой русского оружия. Это переселение до наших дней осознается в Абхазии, как национальная печаль.

АСЛАН БЕЙ— старший сын владетеля Абхазии Келиш-бея (Шервашидзе), 2-го мая 1808 года в крепости Аку (в Сухуме) убивший своего отца. Его бурная жизнь прошла в упорной и жестокой борьбе с братом (от другой жены Келиш-бея) Сефербеем и племянникаши Димитрием и Михаилом, последующими владельцами Абхазии. Ярый противник русских, Аслан воплотил в себе образ героя— борца за независимость и таким остался в памяти своего народа.

EX ORIENTE MORS.— „с востока смерть“. Эпиграф из Горация— „ты пылаешь... колхицкими ядаши“ (Epop. V, 21). Колхиды, родина волшебницы Медей, похищенной Язоном, в представлении греков и римлян, изобиловала ядовитыми растениями

РА— Не случайность для Абхазии мотива о египетском божестве солнца основана на предании, идущем со времен Геродота о походе Рамзеса Великого (Сезостриса) в Колхиду и о происхождении колхов из Египта.

ТОЛУМБАШ— предводитель пира, хозяин стола. Его счастливой, но суровой власти пирующие обязаны подчиняться, по традиции, беспрекословно; его торжество— последняя, осушенная им, чаша, после того как все остальные „изнемогли“.

Клятва в кузнице (на наковальне) и в церкви св. Георгия Илорского (близ Очемчир)— традиционная клятва абхазов, пережиток глубокой древности,

АПСНЫ—Абхазия.

Стрельба в воздух (или потолок—в закрытом помещении)— обычное явление туземных пиршеств.

„**АБЫСТА**”—любимое абхазское блюдо, род каши из кукурузной муки, известное под названием „мамалыга“.

ДИОСКУРИЯ—Местонахождение этой знаменитой греческой колонии, цветущей и богатой, на восточном берегу Чёрного моря остается спорным. Одни ищут ее близ устья р. Кодора, другие видят ее остатки в развалинах близ Сухума, затопленных морем. По греческому преданию Диоскурия основана выходцами из Милета. По мифу об аргонавтах она основана Диоскурами, братьями близнецами, Кастором и Поллуксом, сыновьями Юпитера и Леды, превращенными в звезды (созвездие Близнецы).

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Абхазии	3
Мохаджир	4
Аслан-бей	5
<i>Ex oriente mors</i>	6
Диоскурия	9
„Тысячелетнее солнце“	10
Ра	11
„От зноя млечны небеса“	12
Камелии	13
„В саду черешневом“	14
В ущельи	15
В горах	16
Утешитель	17
Толумбашу	18
Горе	19
В море	20
Песнь о голубоглазом	23
<i>Примечания</i>	29

Жизни Виктора Стражева:

Opuscula. Стихотворения. Эскизы. 164 стр. Москва.
1904 г.

О печали светлой. Стихотворения 1905 — 1906 гг.
56 стр. Москва. К-во „Заратустра“. 1907 г.

Путь голубиный. Лирическая повесть. 48 стр. Москва.
Из-во „Пан“. 1908 г.

О Метерлинке, Синей птице и Вечном младенце. Диа-
лог. 82 стр. Москва. Из-во „Пан“. 1908 г.

Стихи Том первый. 136 стр. Москва. 1910 г.

Рассказы. Том второй. 108 стр. Москва. К-во „Метели“.
1911 г.

